

УДК 821.111-31(73)
ББК 84 (7Coe)-44
М 52

Emily Bain Murphy
THE DISAPPEARANCES

Печатается с разрешения литературных агентств
The Park Literary Group и Andrew Nurnberg

Перевод с английского *Елены Сибуль*

Мерфи, Эмили Бейн.

М 52 Исчезновения: [роман] / Эмили Бейн Мерфи; пер. с англ. Е. Сибуль. — Москва: Издательство АСТ, 2019. — 448 с. — (#YoungDetective).

ISBN 978-5-17-110802-1

Осень 1942 года. Оставшись без родителей, шестнадцатилетняя Айла Куинн и ее младший брат Майлз отправляются в провинциальный городок Стерлинг, где их готова приютить семья маминой старой подруги миссис Клифтон. Перед отъездом Айла успевает захватить с собой любимую книгу мамы — старый сборник поэм Шекспира — и ее обручальное кольцо.

Через какое-то время Айла и Майлз понимают, что в Стерлинге происходит что-то непонятное... и очень странное. Что-то, что нельзя объяснить логически. Приоткрывая тайны городка, Айла начинает подозревать, что ключ к разгадке всего находится в старой книге их мамы, Джульет... или в самой Джульет, которую Айла, как оказывается, совсем не знала.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84 (7Coe)-44

Copyright © 2017 by Emily Bain Murphy
Е. Сибуль, перевод на русский язык, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

В оформлении использованы материалы,
предоставленные фотобанком Shutterstock, Inc.

ISBN 978-5-17-110802-1

*Посвящается
Грегу, Джеймсу и Сесилии.*

*Вы – сердца,
нарисованные на моей руке.*

*Отвратительно назначать цену тому
немногому в жизни, на что каждый человек
имеет полное право.*

«Мифы, легенды и предания:
история Стерлинга»

Спектакль окончился, актеры наши,
Как я уже сказал вам, были духи,
И в воздух, в воздух испарились все.
И, как видений зыбкая основа,
Все башни гордые, дворцы, палаты,
Торжественные храмы, шар земной
Со всем, что есть на нем, все испарится,
Как бестелесные комедианты, даже
Следа не оставляя.

Уильям Шекспир, «Буря»
(пер. М.А. Кузмина)

Глава 1

*Гарднер, Коннектикут
27 сентября 1942 года*

Мне нужно что-то, принадлежавшее ей. Внизу стоит чашка, которой она пользовалась в последний раз перед смертью. Она не допила свой кофе с цикорием тем утром, и на фарфоре остался едва заметный круг. Ее помада отпечаталась памятным красным пятном по краю. Прошло три недели, а я так и не осмелилась стереть его.

Но мне нужно выбрать не чашку. Ничто хрупкое не переживет сегодняшний день.

— Айла. — Кэсс открывает дверь моей спальни. Ее светлые волосы заплетены в косу и заколоты наверх, а большие глаза темнее, чем обычно. — Твой отец говорит, что я могу пойти с вами на железнодорожную станцию, но нужно отправляться через пять минут.

— Я буду готова, — говорю тихо, — я бы больше волновалась о Майлзе.

Она кивает и снова исчезает в коридоре. Ее шаги слышны на скрипучих досках пола, а потом дом снова возвращается к торжественной тишине, такой, что почти можно услышать, как оседает пыль. Словно мы уже его оставили.

Пять минут.

Эмили Бейн Мерфи

Я иду в комнату родителей.

В ней прибрались с прошлого раза, когда я была здесь, в день поминок мамы. Теперь кровать заправлена. Все цветы унесли. С ее туалетного столика убрали всю косметику и даже драгоценный стеклянный флакон духов Жоу, который она всегда держала на виду, но которым редко пользовалась. Открываю ее ящички, провожу пальцами по ее украшениям, но они все запутались и слишком яркие, и я хочу оставить их там, где их оставила она. Словно она могла бы прийти в любую секунду и нацепить свои большие уродливые сережки, такие же яркие и зубчатые, как солнце.

Я поворачиваюсь к книжной полке. Ее тоже привели в порядок, но мне больше нравилось, как она выглядела раньше, с плотно засунутыми под разными углами книгами, которые в любой момент могли упасть мне на ноги.

На глаза попадается большой том в кожаном переплете, из-за его внушительного корешка все другие книги кажутся маленькими. Я раньше его никогда не видела. Опускаюсь на колени перед ним и чувствую то тонкое место в ковре, где он протерся практически до пола.

Я вытаскиваю книгу и пролистываю ее. Странички шелестят, касаясь моих пальцев, тихо и мягко, как крылышки мотыльков. Это Шекспир, сборник пьес и поэм, и почерк моей мамы повсюду, заполнивший поля и промежутки между строчками словами, написанными чернилами разных цветов. Страницы книги пожелтели, словно эта книга была у мамы давно. Интересно, где она пряталась до этого?

К задней стороне обложки приклеен конверт. На нем ничего не написано, и он не запечатан, а внутри есть записка.

— Айла! Майлз! — голос отца звучит из кухни.

Учрежденная

— Иду! — отвечаю я.

Записка написана недавно. Я могу это определить по дрожащему почерку мамы, когда уже приближался конец. В ней написано:

*Стивен! Ты найдешь то, что просил, здесь.
Я всегда буду тебя любить.*

Твоя Виола

Мое внимание задерживается на двух именах. Потому что первое не принадлежит моему отцу. А второе, не смотря на почерк мамы, — не ее имя. Мама была *другой* известной шекспировской героиней. Той, что тоже умерла рано.

Джюльеттой.

— Айла! — снова зовет отец. В этот раз его голос звучит, скорее, как предупреждение.

«Оставь, — думаю я. — Шекспир тебе даже не нравится».

И, может быть, я не хочу знать, кто такой Стивен.

Кладу книгу обратно на полку и решаю, что хочу забрать чашку. Это мама, какой я ее помню, надежная и знакомая, и чашка все еще хранит ее прикосновение. Я возьму ее, даже если мне придется всю дорогу держать ее на открытых, как бабочка, ладошках.

Спешу вниз по узким ступеням, которые с каждым годом все больше и больше кренятся направо. Я нигде не жила, кроме этого дома, который мы с любовью называли Склон, и знаю, где нужно положить руку на перила, чтобы удержать равновесие, и куда ступать, чтобы ступеньки не скрипели. Когда спускаюсь до конца лестницы, различаю голос нашей соседки миссис Рейд. Она на кухне с отцом, выслушивает последние инструкции по присмотру за

Эмили Бейн Мерфи

Склоном, пока нас не будет. Она открывает и закрывает шкафчики, и я уверена, что это она переставляла книги мамы. Может, из-за чувства вины.

— Мне жаль, Гарольд, правда, что мы не можем забрать детей, — говорит она.

Я останавливаюсь на ступенях в тени. Мне видны только ее ноги в чулках и изношенная кожа туфель, но я представляю, как она поджимает губы, а ее легкие белые волосы всегда выглядят так, словно их разметал ветер.

— Учитывая здоровье Эрла, мне думается, что мы не справимся с ними обоими.

Она имеет в виду, что взяла бы меня, но не Майлза. Она не хочет быть ответственной, когда он непременно что-то украдет или подожжет. Морщины на туфлях миссис Рейд становятся глубже, когда она переносит вес на другую ногу.

— Я думала, что кто-нибудь другой в городе точно сможет помочь, но...

— Но, к счастью, мы нашли другой вариант, — сухо отвечает отец. Потом он поворачивается, чтобы снова крикнуть, но я появляюсь перед ним до того, как он произносит мое имя.

— Я здесь, — говорю. Мои глаза переходят от чересчур наруганных щек миссис Рейд к ее рукам, в которых она что-то нервно вертит. Полотенце с вышитым узором из зеленых листьев... и вымытую чашку моей мамы.

Я сглатываю.

— Я кое-что забыла, — говорю, поворачиваясь, и бегу вверх по лестнице. Еще раз дотрагиваюсь до аккуратно висящих в шкафу платьев мамы, зная, что их уже уберут в кладовку, когда вернусь. Потом хватаю книгу с пьесами Шекспира и, не раздумывая, запихиваю ее в рюкзак.

Учрежденная

Отец довозит нас до станции в покрытом грязью «студебекере» — он и Майлз сидят спереди, а мы с Кэсс — сзади, мой тяжелый рюкзак с книгой лежит между нами.

— Думаешь, миссис Рейд справится со Склоном, пока нас не будет? — спрашивает отец. Он улыбается мне в зеркало и протягивает руку, чтобы взлохматить волосы Майлза, но Майлз просто уставился вперед. При выезде я не позволяю себе смотреть на засыхающие георгины в маминых горшках для цветов.

Когда мы приезжаем на вокзал, там все в движении, как будто сам воздух волнуется. Постеры трепещут на стенах, голуби хлопают крыльями и что-то клюют, а белые пряди волос Кэсс выбиваются из ее косы. Утром она помогла мне уложить волосы, потому что мне всегда нравилось, как здорово она это делает, но я уже чувствую, что прическа портится. Платье липнет к ногам, а лодыжки потеют в коротеньких носках. Для позднего сентября не по сезону жарко. Мы с Кэсс заходим в тень карниза, в то время как Майлз и отец покупают билеты. Я прислоняюсь к военному плакату на стене, который предупреждает:

«Рассказывая другу, ты, возможно, рассказываешь врагу». Реклама над головой Кэсс обещает «ИСТИННО АМЕРИКАНСКИЙ сахар с энергией, кристаллизованной солнцем!».

Облака над нами завихряются как суп.

— Ты скоро вернешься, — говорит Кэсс.

— Ты напишешь, — отвечаю я.

— Я хотела бы, чтобы ты осталась со мной, — говорит она, и слезы блестят в ее глазах. Она моя самая давняя подруга, именно она забралась ко мне в кровать в день маминой смерти и заплетала мои волосы в косы, пока я не

Эмили Фейн Мерфи

уснула. На следующее утро я поняла, что она вплела в них свою любимую небесно-голубую ленту с цветочками, ту, которую она всегда планировала надеть на наши первые школьные танцы.

— Я бы тоже хотела остаться, — говорю. Делить комнату с Кэсс и ее тремя старшими сестрами все равно лучше, чем неизвестность впереди, хотя я всегда немного побаивалась маму Кэсс.

Кэсс смотрит на чемодан у наших ног.

— Ты же не влюбишься в какого-нибудь красавчика и не останешься там?

Я сжимаю ее руку.

— Возможно, теперь Диксон Фейрвезер наконец-то поймет, что я за птица.

Она то ли смеется, то ли плачет, когда отец присоединяется к нам на платформе и смотрит на только что купленные билеты в одной руке, а в другой держит чемодан брата.

— Где Майлз? — спрашиваю, и отец поднимает воспаленный взгляд человека, который слишком долго смотрел на солнце.

— Он только что был здесь, — говорит он.

Наш поезд подъезжает, и его белый дым уплывает в небо. Медный звон колокола становится громче.

— Проверю вход, — говорю я, подхватывая сумку.

— Туалет, — говорит отец.

— Я посмотрю на лестнице, — предлагает Кэсс.

На вокзале повсюду люди, по большей части теперь, когда столько мужчин забрали сражаться, это женщины и дети. Я прохожу сквозь вьющуюся змеей очередь и выглядываю на улицу. Жара и звон колокола поезда стоят в ушах, сердце бьется быстро и легко. Майлза нет.

Учрежденная

Я высматриваю прокаленную медь его волос, но по пути обратно на платформу замечаю его твидовую кепку. Майлз сидит на вокзальном полу и ест растаявшее шоколадное печенье «пепперминт патти», которое он, наверное, прятал в кармане шорт.

Я хочу дернуть его за руку или, по крайней мере, вырвать сладость из его рук. Вместо этого стою и позволяю моей тени упасть на него.

— Вот это да, — говорит он невозмутимо, — ты нашла меня.

— Майлз, — шиплю, — мы тебя ищем. Почему ты убежал? — спрашиваю, хотя отчасти желаю, чтобы он ушел далеко и мы опоздали бы на поезд.

— Разуй глаза, — бормочет он, — я есть хотел.

— А ты мозги включи. Ты сеешь хаос, куда бы ни пошел.

«Ты та самая причина, по которой никто не хочет брать нас к себе», — так и хочется сказать ему, но вместо этого я помогаю брату встать. Он идет за мной, волоча ноги, обратно на платформу, к отцу и Кэсс.

— Нашла, — говорю очевидное.

Вижу, что отец не хочет кричать на Майлза в эти последние мгновения. Он смотрит на нас прищурясь и поднимает наши чемоданы. Его широкая и высокая фигура резко контрастирует с их изношенной кожей. Он уедет только завтра, в другом направлении. Самолет в Сан-Франциско. А потом к бескрайнему Тихому океану.

— Пора, — говорит он.

Я сначала обнимаю Кэсс и пытаюсь придумать идеальные слова для прощания, но отец постукивает ногой, не сводя глаз с ближайшего проводника, и каким-то образом Майлз умудрился испортить даже это.

Эмили Бейн Мерфи

— Ну, — говорю, вдруг оробев, — пока. — Вынимаю одну из моих лент и вкладываю Кэсс в руку.

Потом поворачиваюсь к отцу. Он побрился впервые за последние недели, и сейчас его щека такая гладкая, что мне хочется продлить это прикосновение и вдохнуть запах бадьяна и пены для бритья. Я, бывало, лежала без сна по ночам, боясь, что его тоже заберут в армию. Теперь, когда умерла мама, знаю, что он не умрет — ее смерть послужит чем-то вроде защиты для него, как некий ореол. Для меня это совершенно ясно. Поэтому я в последний раз прижимаюсь щекой к его щеке и потом отпускаю его.

— Я скоро снова увижу вас, — говорит отец. Майлз поджимает губы, но потом бросает сумку и крепко обнимает отца. — Это только временно, — уверяет папа. Он сглатывает, его голос дрожит. Он отпускает Майлза и наклоняется, чтобы прошептать мне на ухо: — Мой маленький эльфик.

Мы с Майлзом садимся в поезд, а Кэсс стоит прямо под окном, и слезы текут по ее щекам. Она повязала мою ленту себе в волосы. Когда носильщик загружает мой чемодан, бирка на нем поворачивается как засохший лист, и я замечаю завитки мамино почерка.

Я машу отцу, но он уже отвернулся. Теперь не осталось сомнений в том, что я снова его увижу. Это не может быть моим последним воспоминанием о нем: с опущенными плечами, под небом графитового цвета. Мое отражение мерцает и тает, пока жду, когда он повернется в последний раз, чтобы посмотреть, как мы уезжаем.

До Стерлинга на поезде ехать четыре часа. Я не собираюсь засыпать, но на полпути именно это и делаю. Когда резко просыпаюсь, шея болит. Мне приснился все тот же

Учрежденная

сон: яркие букеты цветов вокруг кровати мамы, она неподвижна, ее руки словно из мрамора, когда я тянусь, чтобы дотронуться до них, а потом меня до костей пронзает холод, пока не проснусь со вскриком.

На мгновение мне кажется, что мы проехали остановку, но Майлз сидит напротив меня, делая зарисовки, а за окном только поля и небо.

Я тянусь к спрятанной мочке моего шишковатого правого уха: детская успокаивающая привычка, от которой я пыталась избавиться. Вижу, что Майлз замечает это, по тому, как он ухмыляется, уставившись в свой блокнот, лежащий на коленях. Его пальцы водят по бумаге разноцветными карандашами, пока не появляется знакомое очертание надгробного камня нашей мамы с венками из радуги цветов.

Только это он и рисует в последнее время, одну и ту же картину, как и мой повторяющийся сон. Я гадаю, кто из нас остановится первым.

— Есть хочешь? — спрашиваю, разворачивая сэндвичи с арахисовым маслом, упакованные миссис Рейд, и передавая Майлзу полураздавленный сэндвич. Вагон теперь почти опустел. Мы едим молча, и, когда мне надоест смотреть в окно, я достаю Шекспира.

Обложка плотная, в переплете бордового цвета. Я листаю страницы, размышляя, с чего бы начать. Под некоторыми строчками есть пометки ручкой, и мама написала что-то бессмысленное на полях, обвела такие слова, как «трава для духов», и написала «похоже, что это Вара»...

В пьесе «Двенадцатая ночь» пометок больше всего. Некоторые страницы загнуты, а чернила размазаны. Я снова пролистываю пьесу до конца, но в этот раз оставляю без внимания конверт. Задняя сторона обложки

Эмили Бейн Мерфи

отделана бархатом, и кончики моих пальцев оставляют на ней следы, как на замерзшем стекле.

А потом я замечаю, что угол слегка надорван.

Бросаю взгляд на Майлза. Он поглощен рисованием ярко-желтого подсолнуха. Тогда тяну за нить обложки. Она подается, и я понимаю, что обложка пришита легкими стежками. Мое любопытство разгорается как пламя, и я ногтем распускаю стежки и смотрю за окно, чтобы не привлекать внимания Майлза. Когда обложка отходит достаточно, я прячу книгу в рюкзак, потом засовываю пальцы в отверстие.

Еще до того, как мои пальцы касаются стекла, я уже знаю: внутри что-то спрятано.